

М.Б. Колотков, канд. юрид. наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)
(e-mail: mkolotkov@yandex.ru)

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ КОНФЛИКТА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ТЕРРОРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

Настоящая статья посвящена изучению механизмов взаимодействия (противодействия) государства и терроризма на основе применения модели конфликта. Исследованы последствия такого взаимодействия, а также варианты использования полученных результатов в государственно-правовой практике (на примере борьбы с террором в Российской империи во второй половине XIX века). Определены отдельные параметры, влияющие на формирование завершённой теоретической модели конфликта. Использован метод построения модели рефлексирующей системы, разработанный В.А. Лефевром, для изучения проблемы принятия решения сторонами конфликта. Метод построения модели рефлексирующей системы позволяет исследовать не только правовые, но и социальные регуляторы, учитывать случайные поведенческие факторы участников конфликта, а также влиять на процесс принятия ими решения. Одним из параметров, влияющих на построение эффективной правовой модели, является осведомлённость, для учёта которой использовано понятие структуры информированности. Так, по объёму наполнения нормативного правового акта соответствующими нормами можно сделать вывод об уровне информированности власти о масштабах и характере террористической деятельности в государстве. Для государства необходимо сохранить информационное равновесие между сторонами конфликта. Отмечается, что системная оценка состояния террористической среды на этапе, предшествующем принятию решения, является ключом успешного разрешения рассматриваемого конфликта как на микро - так и на макроуровне. Наиболее сложные формы противодействия террористической угрозе проявляются в том случае, когда конфликтующая сторона сознательно пренебрегает принципом рациональности и заранее предусматривает определённую величину собственных потерь. Акцентируется внимание на отдельных особенностях учёта гласных и негласных методов противодействия в конфликте. Особое внимание уделено проблемам опережающего правового воздействия и упреждающего нормирования выбора. Упреждающее правовое регулирование в опосредованной форме снижает величину потенциальной виновности субъекта при реализации им подпадающего под регулирование варианта поведения.

Ключевые слова: государство, право, конфликт, модель рефлексирующей системы, опережающее правовое воздействие.

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-2-198-207

Ссылка для цитирования: Колотков М.Б. Применение модели конфликта для изучения механизмов противодействия государства и терроризма (на примере событий второй половины XIX века в Российской империи) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 2(71). С. 198-207.

Соотношение государства и террора периода второй половины XIX века наиболее наглядно можно представить в форме конфликта, внутренняя природа которого обуславливалась априорной несовместимостью, точнее противоположностью задач, избранных его сторонами. Результатом такого противодействия со стороны государства должна была стать возможность принятия оптимального решения, каким образом осуществить ответ

на террористические проявления. Террористы со своей стороны пытались путем совершения терактов найти наиболее действенный способ борьбы с самодержавной властью. Следует отметить, что конфликт «терроризм-государство» представлял весьма сложный концепт, поскольку в нем одним из элементов являлся терроризм – новое для периода второй половины XIX века общественно-политическое явление, развивавшееся с уче-

том целого ряда взаимообусловленных факторов: социальных, психологических, политических, моральных, нравственных. Метод построения модели рефлексирющей системы, в основу которого заложена модель конфликта, разработанный известным ученым В.А. Лефевром, позволяет с высокой долей объективности учесть все эти факторы, способствует успешному разрешению обозначенного конфликта в пользу государства [1, 2]. Терроризм и государство в данном случае образуют рефлексирющую систему, позволяющую исследовать взаимодействие двух субъектов с точки зрения взаимного прогнозирования друг друга с целью последующей выработки наиболее оптимального и эффективного варианта своего поведения. Деятельность государства в этом контексте представляет собой так называемое «навязывание» своей воли противнику, создание условий, побуждающих его к выбору варианта поведения, закрепленного нормой права. Любое подобное действие, если оно осуществляется в открытой форме, вызывало со стороны террористов или активный протест, выражающийся в актах террора, или необходимость приспособления под изменившиеся обстоятельства. В итоге, рассмотрение данной проблемы с использованием такого метода путем образования конфликтной модели «терроризм-государство» позволяет получить качественно новое знание о предмете, сохранив при этом стабильность национальной правовой системы. Также использование метода построения модели рефлексирющей системы способствует сохранению лидирующей роли государства в условиях обозначенного конфликта и снижению риска активизации террора.

Метод построения модели рефлексирющей системы может и должен использоваться для изучения конфликта «терроризм-государство», поскольку позволяет исследовать не только правовые, но и социальные регуляторы, учитывать случайные поведенческие факторы двух объектов, а также влиять на процесс принятия ими решения. Существующие у террористов усмотрения скрыты от государства, в наличии у которого чаще имеются исключительно последствия террористической деятельности, т.е., говоря правовым языком, юридические факты. Оценка только лишь этих фактов не позволяет качественно определить модель поведения террористов и противостоять ей путем выстраивания эффективного механизма правового регулирования. В таких условиях право не может претендовать на образец социально-полезного поведения в обществе, а процесс «перевода нормы в поведение коллективов и личности» не будет реализован [3, с. 6]. Применение модели рефлексирющей системы позволяет объективировать последствия за счет учета внеправовых механизмов поведения второй стороны конфликта.

Попытаемся определить параметры, влияющие на формирование завершенной теоретической модели конфликта «терроризм-государство». По мнению Лефевра В.А. и Смоляна Г.Л., «наука тогда достигает цели, когда ей удастся сформулировать закон в точных терминах» [2, с. 4]. Однако серьезные трудности в построении концепции терроризма создает именно критерий нормативности, присущий фактически любой теории. В этом случае нормативный подход, определяющий четкий порядок действий в рамках теоретической модели, не может быть приме-

ним по отношению к террору в период его появления в России во второй половине XIX века. Нормативность ограничивает возможность выявления природы террора, его идеологического обоснования, а также определения мотивации деятельности конкретного террориста или террористической группы.

Примечательно, что рефлексивный подход к исследованию конфликтных ситуаций с участием государства, выраженный в применении обозначенной выше модели В.А. Лефевра, во многом схож с процессом правотворчества. В данном случае отправной точкой является анализ прежних форм общественных отношений, закрепленных конкретными правовыми нормами, и выработка на их основе качественно нового варианта государственного поведения. Правотворческий процесс второй половины XIX века оперировал конкретным историческим результатом, чаще оценивая только его и, к сожалению, редко используя элементы прогнозирования. Вообще механизм формирования национального законодательства периода второй половины XIX века представлял собой правовую реакцию на появление новой или на изменение старой формы поведения в обществе. Правотворчество того периода представляло собой преимущественно процесс реализации факта необходимости нормативного регулирования отдельного вида отношений. Случаи, когда законотворческий процесс работал на опережение, являлись исключительными, что вообще вполне объяснимо и закономерно для состояния российской государственности того периода. Но в вопросах противодействия террористической угрозе государственная власть просто вынуждена использовать метод построения рефлексив-

рующей системы, поскольку таким способом можно если не исключить полностью, то существенно снизить возможность формирования в обществе устойчивой террористической идеологии. Нельзя не отметить, что факты упреждающего правотворчества, прежде всего, на ведомственном уровне, в Российской империи в рассматриваемый период все же наблюдались. Так, в качестве одного из способов предупреждения преступлений террористического характера Министерство внутренних дел определило выявление и пресечение каналов финансирования лиц, занимавшихся организацией и последующей реализацией террористических актов [4, л. 6].

Результаты моделирования процессов в рамках рефлексивной системы позволяют законодателю в правовых рамках управлять решением противника, поскольку закон, а впоследствии и практика его применения вынуждают конфликтующую сторону если не избрать, то учитывать заранее predeterminedную государством стратегию поведения. В данном случае право становится инструментом, передающим противнику основания для принятия решения по осуществлению своих действий в обществе. В этом и заключается сущность рефлексивного управления террористическими ячейками.

Управление может осуществляться различными способами, однако все они основаны на характере информационного взаимодействия между сторонами конфликта и на оценке этой информации как таковой. Одним из существенных параметров, влияющих на построение эффективной правовой модели регулирования конфликта, является осведомленность, для учета которой следует использовать

понятие структуры информированности, введенное в научный оборот Д.А. Новиковым и А.Г. Чхартишвили [5, с. 53-65]. Структура информированности представляет собой дерево, вершине которого соответствует представление стороны конфликта о степени осведомленности противника и о числе отдельных информационных элементов, оказывающих влияние на принятие решения. Данное дерево может состоять из множества ветвей, представляющих собой элементы информированности. Следует отметить, что элементы информированности могут быть как реальными, так и фантомными. Точное и своевременное определение числа и типа этих элементов является необходимым условием выстраивания эффективной правовой модели регулирования конфликта «терроризм-государство». По объему наполнения нормативного правового акта соответствующими нормами можно сделать весьма обоснованный вывод о легальном уровне информированности власти о масштабах и характере террористической деятельности в государстве. Так, одной из мер предупреждения государственных преступлений, используемых в 80-х годах XIX века Министерством внутренних дел, являлось выявление и пресечение каналов финансирования лиц, занимавшихся организацией и проведением терактов. 17 января 1884 г. было издано Отношение Министерства внутренних дел № 173 губернаторам «В связи с попытками экспроприации государственных средств», имеющее гриф «Совершенно секретно», в котором предписывалось губернаторам «принять все зависящие меры в охране банков, казначейств, почтовых учреждений, а также и пересылаемых почт в пределах вверенной... губернии» [4, л. 6]. О важ-

ности и необходимости проведения такой работы отмечалось еще в 1869 г. в отчете III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Корпуса Жандармов [6, л. 28-31]. В результате еще один элемент информированности стал нормированным, т.е. государство правовыми средствами оказало влияние на процесс принятия решения второй стороной конфликта в будущем. Примечательно, что правовая фиксация может осуществляться только в отношении реальных элементов информированности. Создание фантомных юридических категорий для любой правовой системы на любом историческом этапе ее развития неприемлемо.

Другой пример отражает понимание органами правопорядка возможности получения дополнительного элемента информированности членами террористических ячеек об уровне осведомленности власти характером их деятельности. 25 мая 1874 г. был принят Циркуляр III Отделения губернским жандармским управлениям Петербурга, который регламентировал усиление надзора за студентами Технологического института, проходящими практику на фабриках и заводах [7, л. 11]. Этот документ имел гриф «Совершенно секретно», т.е. не мог стать известным террористам. Однако через несколько лет, а именно 25 мая 1878 г., для Александра II был подготовлен доклад по Штабу отдельного корпуса жандармов «О необходимости усиления жандармского надзора на крупных фабриках и заводах». В докладе отмечалось усиление преступной деятельности лиц, занимающихся антиправительственной пропагандой, в связи с чем предлагалось «усилить жандармский надзор на всех наиболее значительных фабриках и заводах, поме-

стив там и в окрестностях унтер-офицерские жандармские пункты» [8, л. 2]. В результате, 8 августа 1878 г. был принят Указ Сенату «О праве общей полиции и жандармских чинов посещать все фабрики и заводы во всякое время», согласно которому сотрудникам полиции и жандармским чиновникам предоставлялся свободный допуск на фабрики и заводы в любое время [9, л. 3]. Фактически государство официально признало необходимость открытого правового регулирования данного вида отношений в рамках конфликта «терроризм-государство», что свидетельствовало о готовности к наступлению однозначных последствий в среде противника – изменению характера агитационно-пропагандистской работы в рамках террористической деятельности.

Серьезной проблемой принятия решения по выбору модели правового регулирования для рассматриваемого конфликта являлась недостаточная информированность. Однако не следует забывать, что это состояние присуще обеим сторонам конфликта. Существует выражение, что в конфликте побеждает тот, кто более изобретательно умеет лгать. Поэтому для того, чтобы государству в обозначенной конфликтной ситуации одержать победу, необходимо, чтобы используемый метод правового регулирования не носил демонстративный характер, но при этом оставался в области «открытого» регулирования и не позволил бы террористам в свою очередь использовать модель рефлексии системы для выстраивания дальнейшего направления своей деятельности. Показательным примером использования подобного подхода являлось принятие 18 сентября 1880 г. Циркуляра земской управы Пе-

тербургского уезда, который разрешал санитарным попечителям совместно с сотрудниками полиции проверять жилые помещения рабочих для определения их площади и санитарных условий проживания [10, л. 1]. Проведение этого мероприятия позволило установить места проживания лиц, каким-либо образом связанных с террором, что привело впоследствии к временному снижению масштабов террористической деятельности. Поэтому очень важно для государства сохранить видимость информационного равновесия между сторонами конфликта.

Вообще решение как таковое является элементом, раскрывающим внутренний мир объекта, его принимающего. Правовое решение, таким образом, отражает содержание правового состояния государства в части, касающейся конкретного предмета регулирования. Чем исключительнее признаки, лежащие в основе принятия решения, тем однозначнее само решение. В случае с террором на этапе правообразования основной задачей государства является выверенная и аккуратная формулировка правил и параметров, по которым будет выбрана наиболее оптимальная стратегия поведения власти, выраженная в принятии такого нормативного правового акта, который будет максимально ориентирован не только на реализацию конкретных политических интересов государства, но и на реальное укрепление механизма борьбы с террором, а также на эффективное правоприменение. Аналогичная ситуация складывалась и на стороне террористов: не демонстрируя свои знания о государстве как о противнике публично, по оценке реализации террористических решений можно было определить уровень их подготовки и осведомленности. Так, в рамках продолженной в 80-х годах XIX века политики по предупреждению преступ-

лений террористического характера 19 марта 1883 г. было подготовлено секретное Отношение Министерства внутренних дел № 528 губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам «О необходимости содействия общей полиции чинам отдельного корпуса жандармов», в котором отмечалось, что «одною из наиболее действительных розыскных мер для предупреждения государственных преступлений является... проверка видов лиц, прибывающих в столицы на временное жительство» [11, л. 34]. Не следует также забывать, что в действиях законодателя, а затем и правоприменителя отражается представление (степень осведомленности) о деятельности противника. Исключение составляли секретные ведомственные акты и связанная с ними правоприменительная деятельность. Руководство Министерства понимало всю важность данной меры, поэтому в документе сделало акцент на двух составляющих: необходимости усиления взаимодействия органов правопорядка, а также своевременной отработки запросов в отношении интересующих органы лиц. Иными словами, сформированный государством механизм правового регулирования общественных отношений, связанных с террористическими проявлениями, находился в таком состоянии, при котором власти требовалось негласными методами получать даже исходные данные о лицах, причастных к террору. Фактически о качественном системном правовом регулировании организации борьбы с террором в этот период вообще говорить преждевременно. Комплексный анализ массива правовых актов периода 80-х годов XIX века подтверждает сделанные умозаключения [12]. Конечно, процесс внедрения новых, прежде всего, организационных, мер по пресечению государственных преступлений в России давал положительные результаты, однако эф-

фект от их применения не всегда был существенным. Инертность правоохранительной системы, оперирование социальным и правовым опытом прошлого и нежелание менять установленный порядок работы тормозили реализацию учреждаемых правоположений.

Конечным результатом деятельности государства в обозначенном конфликте должна являться выработка механизмов эффективного правового противодействия террористической деятельности. Очевидно, что решение этой задачи требовало от законодателя и правительства периода второй половины XIX века применения нестандартных приемов при создании непротиворечивой и работающей модели правового регулирования борьбы с террором: требовалось установить и впоследствии сохранить равновесие и согласованность между существовавшими потребностями общества и усмотрениями государства. Действительно, государство стремилось, иногда довольно успешно, выявить закономерности взаимодействия и развития большого числа социальных объектов (террористических организаций, кружков, союзов и др.) и установить единый универсальный закон, позволявший управлять ими [13]. Уровень эффективности в этом случае напрямую зависел от грамотного сочетания двух форм регулирования: управления по результатам и рефлексивного управления. Анализ норм антитеррористического законодательства периода второй половины XIX века свидетельствует о безусловном смещении акцентов на правовое регулирование по результатам. Оценка эффективности деятельности органов, занимавшихся в тот период охраной общественного порядка, являлась основным критерием принятия решения о необходимости внесения изменений в действующую систему правового регулирования института террори-

стической деятельности. Рефлексивному управлению в тот период уделялось незначительное внимание, а нормативные правовые акты, созданные с учетом применения методов прогнозирования или рефлексии, представляли собой единичные случаи. Кроме того, не следует забывать, что низкий уровень эффективности избранной модели правового регулирования может свидетельствовать, в том числе, и об отсутствии необходимой степени адекватности этой модели выбранному предмету регулирования. Иными словами, модель, которую избрал законодатель на этапе принятия решения, изначально не имела достаточного уровня согласованности с объемом исходной информации о противнике, что неизбежно привело к невозможности реализовать поставленные перед ней цели на практике.

В конфликте «терроризм-государство» первой стороне не может быть полностью известен избранный государством алгоритм правового регулирования террористической деятельности и его реальные цели: террористы располагают возможностью определения лишь общего принципа построения модели, наполнение которой исходными данными (правовым и организационным инструментарием), как правило, осуществляется ими путем фиксации средств регулирования, которыми будет пользоваться государство для разрешения конфликта. Особое внимание в данном случае необходимо уделить вопросу выбора правовых норм с позиции гласности.

Определение эффективного сочетания гласных и негласных методов противодействия терроризму приводит непосредственно к оценке необходимости установления степени «доступности» правовых норм и правовых решений. Так, публичное объявление уже известной субъекту информации меняет осознание

им ситуации, поскольку актуализируются вопросы восприятия информации другими лицами, появляется критерий учета общественного мнения. В результате, в ходе очередного принятия решения сторона террористов становится вынужденной учитывать критерий публичности, касающийся оценки последствий своей деятельности. Остается открытым лишь вопрос о целесообразности наступления этих последствий, который можно разрешить только применительно к каждому конкретному случаю. Алгоритм принятия решения террористами в данном случае продолжает оставаться неизвестным, но корректировка его содержания уже произошла: один из начальных параметров, участвовавших в этом процессе, установлен. Вообще действие любой стороны конфликта по принятию решения несвободно. Эта процедура в содержательном отношении состоит из многочисленных критериев, условий и ограничений, правильное и своевременное определение которых является основной задачей другой стороны конфликта. Выявляя эти критерии и ограничения, можно постепенно снижать уровень свободы террористов при принятии решения, в особенности, если им продемонстрировать о факте осведомленности государства. Искусственное введение дополнительных ограничений также необходимо, поскольку это еще более снизит уровень свободы террористов. В этом случае правовое регулирование путем аккуратного изменения (отмены) старых или создания новых правовых норм будет служить одним из регуляторов уровня самосознания террористов. Системная оценка состояния террористической среды на этапе, предшествующем принятию решения, является ключом успешного разрешения рассматриваемого конфликта как на микро -, так и на макроуровне.

Безусловно, правовые нормы негласного характера не должны становиться известны ни террористам, ни обществу, для которых в опосредованной форме обнародуется лишь конечный результат их применения. Другое дело – правовые решения. Перевод ранее открытых фактов в состояние негласности, а также запреты, санкционированные государством, делают самосознание террористов устойчивым, поскольку в результате их деятельности наступили однозначные правовые последствия. Причем на начальном этапе неважно, насколько эти последствия существенны, главное – признание государством факта наличия террористической угрозы. Исключения из обозначенного правила составляют лишь случаи корректировки общих параметров социально-политического развития государства, когда вместе с обществом меняются методы и средства правового регулирования, и эти процессы совпадают по времени с активной фазой рассматриваемого конфликта. В частности, тенденция роста активности подсудимых во время судебных заседаний, а также возможность использования ими отдельных процессуальных гарантий способствовали использованию террористами зала судебного заседания в качестве места для пропаганды своих взглядов. В результате для снижения уровня агитационной активности террористов 4 февраля 1885 г. был принят Указ, запрещавший публикацию в печати материалов закрытых судебных заседаний, что является примером подтверждения факта наступления нежелательных для государства последствий и, как следствие, последующего совершения акта «нерационального» правового регулирования [14, с. 311]. Следует отметить, что вопрос о запрете публикации сведений о политических процессах по делам, связанным с террором, освещался еще 18 ян-

варя 1879 г. в секретном циркуляре министра внутренних дел Л.С. Макова, а в дальнейшем был урегулирован гласно нормами Положения «О мерах по охране государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. [15, с. 261-266]. Зачем государству потребовалось дублирование нормативных предписаний, успешно действовавших на протяжении несколько лет, совершенно неясно.

Наиболее сложные формы противодействия террористической угрозе проявляются в том случае, когда конфликтующая сторона сознательно пренебрегает принципом рациональности и заранее предусматривает определенную величину собственных потерь. Некоторые исследователи объясняют такое поведение саморефлексией, т.е. осмыслением выбранного варианта поведения и сознательной его корректировкой в ручном режиме с целью устранения возможности так называемого «автоматического» подчинения принципу рациональности, который противник может проимитировать [1, с. 28]. Наиболее подходящим обозначением подобного поведения террористов в контексте конфликта «терроризм-государство» будет являться его определение в качестве принципа иррациональности. Подобные усмотрения представляются обоснованными и справедливыми, поскольку в таком случае рассматриваемый конфликт уже не будет подпадать под стандартизированную модель рефлексирующей системы. В результате модель становится неработающей, а рассмотрение вопросов о саморефлексии террористов, по меньшей мере, представляется некорректным.

Таким образом, когда выбор поведенческого алгоритма террористов произведен, все их последующие действия становятся менее свободными. Фактиче-

ски именно на этой стадии устанавливается и субъективная сторона планируемого преступления, поскольку, производя выбор варианта поведения, террорист осознает характер действий, которые он планирует совершить. Упреждающее правовое регулирование, таким образом, в опосредованной форме снижает величину потенциальной виновности субъекта при осуществлении им подпадающего под правовое регулирование варианта поведения. Большинство существующих теоретических моделей принятия решения берут за основу несколько фундаментальных принципов, наиболее важным из которых является принцип рациональности, т.е. выбор такого варианта решения, который с большей вероятностью приведет к благоприятным последствиям и снижению возможных потерь. В той или иной степени в основе эффективности правового регулирования заложено своевременное определение правила, которому будет следовать противник при осуществлении своих действий, и совершение соответствующего упреждающего правового воздействия на него. Конечно, это правило исключительно путем правового воздействия установить невозможно, однако можно существенно снизить возможность выбора. Введение дополнительных параметров, ограничивающих выбор алгоритма поведения, в конечном счете, позволяет осуществить скрытое манипулятивное воздействие на противника, приводящее фактически к обреченности его выбора, который заранее можно спрогнозировать. Упреждающее нормирование возможного выбора, совершаемого конфликтующей стороной, является ключом к определению верной правовой модели регулирования конфликта «терроризм-государство».

Список литературы

1. Лефевр В.А. Алгебра совести: [пер. с англ.]. М.: «Когито-Центр», 2003. 426 с.
2. Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. М., 1968. 65 с.
3. Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 5-11.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 113.
5. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексия и управление: математические модели. М., 2013. 412 с.
6. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223(85). Ед. хр. 34.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 158. Д. 210.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 1692.
9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 1349. Оп. 8. Д. 886.
10. ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 479.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 112.
12. Борьба с терроризмом в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). сборник документов и материалов. Ч. 1. М.: Типография в/ч № 33965, 2000. 328 с.
13. Колотков М.Б. Концептуальные основы идеологии терроризма в России (вторая половина XIX в. - начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 123-128.
14. Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1883. 548 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881-1913). Т. 1. № 350.

Поступила в редакцию 14.03.17

UDC 342.5

M.B. Kolotkov, Candidate of Juridical Science, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (St.Petersburg, Russia) (e-mail: mkolotkov@yandex.ru)

APPLICATION OF CONFLICT MODEL FOR COUNTERACTION MECHANISMS STUDY OF STATE AND TERRORISM (ON THE EXAMPLE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY)

This article is devoted to interaction mechanisms study (counteraction) of state and terrorism on the basis of conflict model application. Consequences of such interaction and also options of received results used in state and legal practice are investigated (on the example of fight against terror in the Russian Empire in the second half of the 19th century). Separate parameters influencing formation of complete theoretical model of the conflict are determined. Method of reflexing system creation developed by V. A. Lefebvre for studying decision-making problem by parties of the conflict is used. Method of reflexing system creation allows investigating not only legal but also social regulators to consider random behavioral factors of conflict participants, and also to influence decision adoption process. One of the parameters influencing creation of effective legal model is awareness for which knowledge concept structure accounting is used. So according to relevant standards of regulatory legal act it is possible to draw a conclusion about the level of power knowledge and about scales and nature of state terrorism. For the state it is necessary to keep information balance between parties of the conflict. It is noted that the system assessment of terrorism condition at the stage preceding decision-making is a key of successful conflict solving both on micro and macro levels. The most irregular shapes of counteraction to terrorist threat are shown in that case when conflicting party consciously neglects rationality principle and in advance provides a certain size of own losses. Attention is focused on separate features of public and secret methods of counteraction in conflict. Special attention is paid to problems of advanced legal impact and choice anticipatory rationing. Anticipatory legal regulation in mediated form reduces the size of potential guilty under behavior regulation.

Key words: state, right, conflict, reflexing system mode, advanced legal influence.

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-2-198-207

For citation: Kolotkov M.B. Application of Conflict Model for Counteraction Mechanisms Study of State and Terrorism (on the Example of the Second Half of the 19th Century), Proceeding of Southwest State University, 2017, vol. 21, no. 2(71), pp. 198-207 (in Russ.).

Reference

1. Lefevr V.A. Algebra sovesti: [per. s angl.]. M.: «Kogito-Centr», 2003. 426 s.
2. Lefevr V.A., Smoljan G.L. Algebra konflikta. M., 1968. 65 s.
3. Tihomirov Ju.A. Povedenie v obshchestve i pravo // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 2. S. 5-11.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 102. Op. 260. D. 113.
5. Novikov D.A., Chhartishvili A.G. Refleksija i upravlenie: matematicheskie modeli. M., 2013. 412 s.
6. GARF. F. 109. Op. 223(85). Ed. hr. 34.
7. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 733. Op. 158. D. 210.
8. GARF. F. 109. Op. 1a. D. 1692.
9. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (dalee – CGIA SPb). F. 1349. Op. 8. D. 886.
10. CGIA SPb. F. 224. Op. 1. D. 479.
11. GARF. F. 102. Op. 260. Ed. hr. 112.
12. Bor'ba s terrorizmom v Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.). sbornik dokumentov i materialov. Ch. 1. M.: Tipografija v/ch № 33965, 2000. 328 s.
13. Kolotkov M.B. Konceptual'nye osnovy ideologii terrorizma v Rossii (vtoraja polovina XIX v. - nachalo XX v.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 392. S. 123-128.
14. Uzakonenija, izdannye v pojasnenie i dopolnenie k sudebnym ustavam 20 nojabrja 1864 g. SPb., 1883. 548 s.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie (1881-1913). T. 1. № 350.